

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

**Конашев
Михаил**

Борисович — кандидат биологических наук, заместитель директора Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова. В журнале “Человек” опубликовал статью “Дарвин и религия” (2009. № 5).

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09-03-00166а

¹ Подробнее см.: Воронцов Н.Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М., 1999; Георгиевский А.Б. Вклад создателей теории эволюционного синтеза в антропологию // Человек. 2009. № 5. С. 5–21; The Evolutionary synthesis: perspectives on the unification of biology. Cambridge, 1980.

30

ДОБРЖАНСКИЙ И РЕЛИГИЯ

(К 110-летию со дня рождения)

© 2010

М.Б. Конашев

В первой четверти XX века эволюционная теория Чарльза Дарвина переживала так называемый “кризис дарвинизма”. Она не раз сурово критиковалась, в первую очередь самими биологами, но ими же дополнялась и развивалась. Это развитие происходило, в основном, в 1930—1940-е годы и получило многозначное наименование “эволюционного синтеза”. В результате появилась знаменитая “синтетическая теория эволюции” (СТЭ)¹, которая, постепенно теряя свое первоначальное историческое имя, сохранила и усилила основные дарвиновские принципы и положения, за что по праву была названа “дарвинизмом XX века”². Выдержав, как и теория Дарвина, серьезные научные дискуссии и немало вненаучных нападок с самых разных сторон, став сложнее и богаче, она и сегодня, именуясь обычно современной эволюционной теорией, находится вне конкуренции, о чем свидетельствуют прошедшие в этом году по всему миру юбилейные дарвиновские конференции, в том числе и в России, в Санкт-Петербурге³.

Синтетическая теория эволюции была создана несколькими выдающимися биологами из разных стран, своего рода “могучей кучкой” эволюционной биологии XX века. Одним из “отцов-основателей” СТЭ, ее “генеральным конструктором” был наш соотечественник, входивший в число основоположников ленинградской школы генетики, отечественной генетики в целом и международной школы эволюционной генетики, мыслитель и гуманист Феодосий Григорьевич Добржанский⁴.

Отправившись в 1927 году из Ленинграда в США на стажировку в лабораторию создателя хромосомной теории наследственности Т.Г. Моргана, в декабре 1929 года, после долгих и мучительных раздумий, Добржанский принимает решение остаться на какое-то время за океаном для завершения исследований. Лишь двумя годами позже, в августе 1931 года, убедившись, что подходящего места на родине, в новом, пережившем “великий перелом” сталинском СССР для него нет и

быть не может, он сообщает Н.И. Вавилову, что, увы, “и на этот раз дело не вышло”⁵. Не выполнив совета прибыть как можно скорее, сначала де факто, а затем де юре, он становится “невозвращенцем” со всеми вытекающими из этого последствиями. Дорога на родину, даже в качестве американского ученого или просто гостя, для него навсегда оказалась закрыта⁶.

Закрытыми или, по меньшей мере, тернистыми стали для него и многие другие пути. Однажды получив отказ в бразильской визе, видимо из-за своего советского происхождения, он в сердцах записал в дневнике в феврале 1943 года: “И все это из-за того, что я сделал ошибку, родившись в России, а не здесь!”⁷. Причиной многих, если не большинства, из неожиданно или вполне

ожидаемо встававших перед ним проблем, было то, что социальная эволюция человека привела в XX веке, еще в самом его начале, к таким гигантским противоречиям, которые разрешались не иначе как через войны, революции и прочие большие и малые политические, экономические и культурные, в том числе и мировоззренческие, катаклизмы. В судьбе и мировосприятии Добржанского, как в судьбах многих других людей, отразились в той или иной степени все основные, “веховые”, противоречия, разломы XX века. К таким противоречиям, к таким, как торнадо возникавшим из них “предельным вопросам”, относилось и противоречие между наукой и религией, знанием и верой, между представлением о неизменности мира и природы человека и эволюционной теорией.

Но почему именно противоречие, почему не какое-нибудь более “дружественное”, более гармоничное взаимодействие? Такой вопрос можно было бы задать, если встать на точку зрения тех, кто убежден или делает вид, что убежден, в совместности науки и религии, в их своего рода “взаимодополняемости”. Именно так считал Добржанский с самого начала и до конца своей жизни, которая в каком-то смысле и была посвя-

**Ф.Г. Добржанский
в лаборатории.
Ленинград. 1925**

² Медников Б.М. Дарвинизм в XX веке. М., 1975.

³ Чарльз Дарвин и современная наука. СПб., 2009.

⁴ Конашев М.Б. Ровесник генетики, ровесник века: Ф.Г. Добржанский (1900–1975) // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2008. Вып. 4. С. 193–228.

⁵ У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. СПб., 2002. С. 436.

Мать —
С.В. Войнарская

⁶ Об этом решении Ф.Г. Добржанского подробнее см.: Ко-нашев М.Б. Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 240–263.

⁷ APSL (American Philosophical Society Library — Библиотека Американского философского общества). В: D 65. Th. Dobzhansky Papers. Подробнее см.: Ко-нашев М. Б. Ровесник генетики, ровесник века... С. 209–210.

шена попытке разрешить это противоречие. Потому что перед ним, как и перед Дарвином, стояла проблема совместности науки и религии, его собственной эволюционной теории и веры в Бога⁸.

Как в случае Дарвина, вопрос об отношении Добржанского к религии представлял бы интерес лишь с биографической или идеологической точки зрения, если бы не имел прямого отношения к той роли, которое сыграло это отношение в создании Добржанским его эволюционной теории, к тому, какие общекультурные, мировоззренческие выводы он сделал из нее для самого себя, с какими из них посчитал необходимым поделиться с коллегами по научному сообществу и с другими людьми.

Судя по всему, Феодосий Григорьевич всегда был и оставался только верующим. Другое

дело, что эволюционная теория сделала его не рядовым, а особым верующим, пересмотревшим прежние, в первую очередь религиозные ответы на “предельные вопросы”, поставившим сами эти вопросы заново, эволюционно. Поэтому, в отличие от Дарвина, Добржанский не рассматривал религию как нечто ненужное, просто вышедшее из употребления. Он попытался обосновать и оправдать религию, свою веру с помощью эволюционной теории, помочь религии.

Предопределение как свободный выбор

Многое значили уже обстоятельства его рождения и наречения необычным именем. Добржанский родился 25 января (12 января по старому стилю) 1900 года в провинциальном городке Немирове Подольской губернии (в советское время Винницкая область Украины) в семье преподавателя математики начальных классов русской мужской гимназии. Там же, в Немирове, прошли первые детские годы. Отец Феодосия, Григорий Карлович Добржанский (1861–1918), был выходцем из семьи мелкопоместных польских землевладельцев. Мать, урожденная Софья Васильевна Войнарская (1864–1920), дальняя

родственница Ф.М. Достоевского⁹, занималась домашним хозяйством и, после рождения Феодосия, воспитанием и домашним образованием сына. Она происходила из семьи священнослужителя, была, как и подавляющее большинство женщин царской России, особенно в провинции, глубоко верующей. По семейной легенде у Добржанских долго не было детей и они, видимо по настоянию Софьи Васильевны, решили совершить паломничество в Черниговский монастырь Святого Феодосия, дав обет, если родится сын, назвать его Феодосием¹⁰.

Домашнее воспитание было, прежде всего, религиозным. Но отцу страстно хотелось, чтобы его единственный сын не только пошел по его стопам, но смог превзойти его, получив то, что по неблагоприятному повороту событий не удалось получить Григорию Карловичу, — университетское образование и диплом.

Родители видели сына врачом или инженером и на его естественнонаучное образование не жалели ни сил, ни времени. Провинциальная российская гимназия того времени мало что могла дать ученикам в этом отношении, но Феодосию повезло. Заметив его способности и интерес, учитель биологии разрешил пользоваться не только его библиотекой, но и единственным в школе микроскопом. Кроме того, Феодосий подружился с гимназистом Вадимом Александровским, в домашней библиотеке которого друзья, как вспоминал Феодосий, случайно обнаружили “Происхождение видов” Дарвина. Чтение знаменитого труда произвело на Добржанского такое впечатление, что, по его собственному утверждению, именно тогда, еще 14-ти или 15-летним мальчиком, он решил стать биологом¹¹ и, как можно предположить, конечно же, знаменитым ученым, может быть, таким же великим, как Дарвин.

Вероятно, и с этим согласуется утверждение самого Добржанского¹², именно в тот период он впервые по настоящему, во всей глубине, осознал проблему соотношения религии и науки и личную потребность найти ее приемлемое решение. Бурные, драматические события последующих нескольких лет сделали

Отец —
Г.К. Добржанский

⁸ См.: Конашев М.Б. Дарвин и религия // Человек. 2009. № 5. С. 22–37.

⁹ Богданов Н.Н. Его родословная // Природа. 2000. № 12. С. 65–67; Богданов Н.Н., Роговой А.И. “Семейным сходством будь же горд...” Феодосий Добржанский // Богданов Н.Н., Роговой А.И. Родословие Достоевских: в поисках утерянных звеньев. М., 2008. С. 146–159.

¹⁰ Конашев М.Б. Ф.Г. Добржанский — генетик, эволюцио-

Одна из икон
Святого Феодосия

Успенский собор
Елецкого
монастыря XI века
в Чернигове

нист, гуманист //
Вопр. истории есте-
ствознания и техни-
ки. 1991. № 1.
С. 56–71; Land B.
Evolution of a
Scientist: The Two
Worlds of Th.
Dobzhansky. N.-Y.
1973. P. 17.

¹¹ Конашев М.Б.
Указ. соч. С. 56–71.
¹² Dobzhansky Th.
The Biology of
Ultimate Concern.
N.-Y. 1967. P. 1.

¹³ Конашев М. Б. По
ту и по эту сторону
океана (Феодосий
Григорьевич
Добржанский:
1900–1975) // Выдаю-
щиеся отечествен-
ные биологи. СПб.,
1996. Вып. 1.
С. 45–58.

¹⁴ Dobzhansky Th. Op.
cit. P.1.

потребность еще насущнее, настоятельнее и неотложнее.

Став студентом Киевского университета св. Владимира, Добржанский попадает в эпицентр грянувшей для обывателя как гром революции и гражданской войны. Во время войны Добржанский потерял отца, мать и своего первого учителя в высоком значении этого слова, профессора Киевского университета С.Е. Кушакевича¹³. Революция и война сделали для Добржанского еще более необходимым найти смысл жизни¹⁴. При

первой возможности он возвращается в университет и целиком, без остатка, отдается науке. Именно с ее помощью, точнее с помощью эволюционной теории, а не с помощью религии, он надеется решить для себя проблему смысла жизни, проблему предназначения человека. Путеводной звездой ему служит дарвиновская теория эволюции и новая, совсем молодая наука — генетика.

Главным объектом исследований для генетиков тогда уже стала плодовая мушка дрозофила. Добржанский верил, что с помощью эволюционно-генетических исследований сможет разрешить и проблему человека, и ему это, действительно, в определенном смысле удалось. Не случайно одна из его поздних статей была посвящена значению генетических исследований дрозофилы для понимания эволюции человека¹⁵, а доклад на 10-м Международном генетическом конгрессе 1958 года в Монреале назывался “Генетика и предназначение человека”¹⁶. Но ядро будущей эволюционной концепции, ее первый набросок, с которым он отправляется на стажировку в США, складывается у Добржанского уже в 1920-е годы¹⁷.

А религия? Один из главных, если не самый главный, парадокс биографии Добржанского в том, что в это время религии, веры в ней вроде бы нет. Во всяком случае, в документах, сохранившихся в разных отечественных и зарубежных архивах, а также в его научных и иных публикациях нет никаких следов не только того, что религия и вера играли какую-либо важную роль в научных поисках, но даже того, что в это время он оставался верующим. Бог, вера, церковь ни разу не упоминаются ни в одном из многочисленных писем Добржанского конца 1920-х — начала 1930-х годов к его коллегам и старшим товарищам: В.И. Вернадскому, Ю.А. Филипченко, Н.И. Вавилову¹⁸, Г.Д. Карпеченко, Г.А. Левитскому, И.И. Шмальгаузену; к младшим: М.Л. Бельговскому, Н.П. Дубинину, Н.Н. Колеснику, Я.Я. Лусису, Т.К. Лепину, Р.А. Мазинг, Н.Н. Медведеву; к близким друзьям: В.В. Алпатову, Ю.Я. Керкису, М.М. Левиту, Г.И. Шпету¹⁹.

Первые работы о значении эволюционной теории для религии и о некоторых аспектах отношений науки и веры Добржанский публикует лишь в 1960-е годы²⁰, хотя аналогичные работы по значению эволюционной теории для культуры и гуманизма появляются раньше, в 1950-е. Наконец, в дневнике Добржанского, который он вел на протяжении практически всей своей жизни с некоторыми перерывами (самый большой приходится на конец 1920-х — начало 1930-х годов²¹), тема религии появляется только в 1942 году.

Оставался ли Добржанский верующим на протяжении всего этого времени, т.е. юности, молодости и ранней зрелости? Ставить вопрос так, по-моему, бессмысленно или, точнее, неверно. Значение имело и имеет то, каким он был верующим и во что верил. Предположение, что он, само собой, верил в Бо-

¹⁵ Dobzhansky Th. Bearing of evolutionary studies of *Drosophila* on understanding of human evolution // Scientia. 1960. V. 54. P. 1–4.

¹⁶ Dobzhansky Th. Genetics and the destiny of man // Proc. 10-th Int. Cong. Genetics. 1959. Vol. 1. P. 468–474.

¹⁷ Подробнее см.: Конашев М.Б., Ю.А. Филипченко, Ф.Г. Добржанский и проблема экспериментального изучения видовой изменчивости // Эволюционная биология: история и теория. СПб., 2005. Вып. 3. С. 129–147; Конашев М.Б., Ф.Г. Добржанский и становление экспериментального изучения эволюции // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. М., 2005. С. 353–356.

¹⁸ У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге.

¹⁹ Эти, пока еще не опубликованные письма, сохранились в нескольких отечественных государственных, ведомственных и личных архивах. Выдержки из переписки 1960-х — 1970 гг. см.: Конашев М.Б. Отечественные генетики на родине и за рубежом: наука, книга, общество // На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX века: источники, исследования, историография. СПб., 2005. Вып. 3. № 9. С. 361–389.

²⁰ См. напр.: Dobzhansky Th. Man consorting with things eternal // Science Ponders Religion. N.-Y. 1960. P. 117–135; Religion, death, and evolutionary adaptation // Context and Meaning in Cultural Anthropology. N.-Y. 1965. P. 61–73; An

essay on religion, death, and evolutionary adaptation // *Zygon*. 1966. V. 1. P. 317–331; Evolution: Implications for religion // *Christian Century*. 1967. V. 19. P. 936–941.

²¹ По-видимому, часть дневника, который Добржанский вел в толстых школьных тетрадях, утеряна, по его же предложению, во время одного из многочисленных переездов, но какая именно, теперь установить невозможно.

²² APSL. B: D 65. Th. Dobzhansky Papers.

²³ Эта первая запись о церкви, хотя первая, сохранившаяся у самого Ф.Г. Добржанского, тетрадь дневника имеет на обложке помету “Аляска. Июнь–Июль 1934. I”, она велась во время поездки на Аляску с исследовательской целью. В настоящее время в APSL имеется еще одна тетрадь с экспедиционным дневником Ф.Г. Добржанского (Казахстан, 1926). Тетрадь была передана в APSL Александром Юльевичем Керкисом, сыном ученика и друга Ф.Г. Добржанского — Юлиа Яковлевича Керкиса во время международной конференции, приуроченной к 90-летию Ф.Г. Добржанского. Она прошла в Ленинграде в сентябре 1990 г.

га, ничего не дает, так как при ближайшем рассмотрении выясняется, что и его Бог и его вера отличались от общепринятых тогда и сейчас в православии. Насколько — другой вопрос, который постараемся рассмотреть дальше.

Верующий неверующий

Добржанский, действительно, был человеком религиозным, о чем, прежде всего, свидетельствовал он сам и его ученики. Многие записи его дневника, в особенности последних лет жизни, начинаются или заканчиваются прославлением Бога. Такова, например, запись от 1 марта 1971 года с характерной, традиционной для тех лет концовкой: “Но прежде всего — Господи, Слава Тебе!”²². Он регулярно посещает церковь, где только может, всякий раз делая краткие или более или менее пространственные записи в дневнике. Первая запись такого рода от 11 октября 1942 года сделана в Нью-Йорке, где он жил долгое время²³.

В первой же поездке в Японию он посещает церковь и описывает ее 11 октября 1964 года следующим образом: “Утром поехал в православную церковь Николаи-До. Это, очевидно, остаток императорской России. К моему удивлению прихожане на девять десятых японцы, 4 священника тоже все японцы, служба тоже на девять десятых по-японски, но Отче Наш пели по-русски. Хор, человек 10 японцев, очень не плох, гораздо лучше, чем в нашей нью-йоркской церкви”²⁴.

В целом записи о посещении церкви похожи одна на другую, начинаются почти одинаково: “Ездили в церковь...”²⁵. Иногда, правда, Добржанский более многословен. 28 октября 1951 года он написал: “Пошли в первую русскую церковь на 99-й улице. Церковь в одной комнате, на 3-м этаже, с некрашеным деревянным иконостасом. Было человек 30 молящихся, очевидно все бывшие DP²⁶. Служба самая лучшая, какую мне пришлось слышать в Америке. Священник, молодой еще человек, сказал 5-минутную проповедь, просто, без всякого пафоса”²⁷.

О религиозности Добржанского, о некоторых ее особенностях писали и его ближайшие друзья и коллеги за рубежом. По свидетельству Дж. Пауэлла в последние годы Добржанский молился каждый день²⁸. Он внимательно и заинтересованно, именно как верующий человек, отмечал для себя, часто с печалью, состояние религии в тех странах, где побывал. 25 октября 1964 года после посещения одного из японских храмов: “Масса туристов, очень мало молящихся. Религия в Японии кажется в еще худшем состоянии, чем в Европе и в Америке”. Во время другой поездки в Японию его вывод (8 сентября 1968) еще пессимистичнее: “Несмотря на трогательное гостеприимство, японцы, вероятно, одна из самых материалистических наций в мире. Религии у них, в сущности, нет — все буддистские и

шантоистские монастыри и храмы, что мы посещали, имеют ничтожное количество молящихся, существуют главным образом для туристов и экскурсантов”²⁹. Похожую, грустную для себя, констатацию Добржанскому не раз приходилось делать и в самих Штатах. 10 февраля 1952 года он отметил в дневнике: “Ходили в церковь — собирался это сделать уже больше месяца. Народу там сильно прибавилось, церковь полна. Было несколько молодых людей, что особенно приятно, т.к. в русских церквях в Америке, в которые мы до сих пор ходили, молодежи почти что не было, во всяком случае, не было парней”³⁰.

Добржанский не представлял себе, как может нравственность не основываться на религии, и причину (по крайней мере, одну из причин) отступления от нравственности или ее отсутствие видел в недостатке религиозного воспитания. После общения с внуком Николаем он записывает (23 июня 1969): “Но беда в том, что у них нет нравственного религиозного воспитания, вырастают эгоистами и своевольными”³¹. Эта тесная, для Добржанского по сути неразделимая, связь религии и нравственности создавала для него проблемы, которые нуждаются в специальном рассмотрении. Здесь упомяну лишь одну из них в изложении самого Феодосия Григорьевича. Во Франции 21 мая 1966 года он записывает в дневнике: “Сегодня воспользовался все еще имеющимся нанятым автомобилем, и вместе с супругами Божижерами поехали в Версаль и в Шартр. Контраст этих двух мест невероятный. Говорят, что Людовик XIV был религиозным человеком. Трудно понять, как это возможно. Версаль — это анти-религиозная пропаганда, по крайней мере, анти-христианская пропаганда”³².

Подобная связь существовала для него и между религией и философией, между тем, что может быть названо философией жизни и что сам Добржанский называл на английский манер “предельными вопросами” и “предельным интересом”³³.

Без сомнения, поиск в этом направлении — это еще одно, может быть наиболее важное, основание (в каком-то смысле и оправдание) религии для Добржанского³⁴. Это в первую очередь вопросы о смысле мира, о месте человека в этом мире, о смысле и ценности человеческой жизни, о предназначении человека...

Не обязательно именно эти вопросы жизнь, подчас безжалостно, ставила ему самому. Очень часто Добржанский “переводил” чужие проблемы на себя, ставил себя на место других людей. Иначе говоря, сочувствовал и сопереживал. 4 декабря 1942 года, в разгар Второй мировой войны, он, после разговора с одним из ближайших друзей Л.К. Данном, пишет в дневнике: “Часа два беседовал с Dunn’ом в его кабинете — побеседовали до 6.1/2, т.е. не зажигали огня, так что под конец сидели в совершенной темноте. Бедный Dunn! Он, по-видимому, глубоко несчастен. Во-первых, он разочаровался в мире, который, он

²⁴ APSL. B: D 65. Th.

Dobzhansky Papers.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Сокращение от “displaced persons” (англ.) — перемещенные лица.

²⁷ APSL. B: D 65. Th.

Dobzhansky Papers.

²⁸ Krimbas Costas B.

The Evolutionary Worldview of Theodosius Dobzhansky // The Evolution of Theodosius Dobzhansky. Princeton, New Jersey, 1994. P. 188.

²⁹ APSL. B: D 65. Th.

Dobzhansky Papers.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

³² Ibidem.

³³ Слова “ultimate questions” и “ultimate concern” могут быть переведены также как “конечные вопросы” и “конечный интерес”, или вопросы о предельных, “конечных” основах бытия и интересе к этим основам.

³⁴ Трактовку этих вопросов Добржанским см.: Dobzhansky Th. The Biology of Ultimate Concern. N.-Y. 1967. P. 4–6.

ЧЕЛОВЕКОЗНА- НИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Ф.Г. Добржанский
в экспедиции
в Средней Азии.
1925

считает, идет к фашизму в какой-то форме независимо от того, кто победит. Во-вторых (хотя он этого не сказал), он не думает, что его Боб вернется с войны живым. Я старался его ободрить, советуя ему спрятаться в случае чего в свою раковину и работать на благо человеческой культуры. Но его вкусы идут в обратном направлении — общественной работы. Бедный, милый Dunn! Что ему нужно было бы, это религия, но ее-то он и не имеет. А между тем он одна из светлейших личностей, какую мне пришлось встретить!”³⁵.

Религиозные взгляды Добржанского на всем протяжении сознательной жизни как будто мирно сосуществовали с его наукой. Он, как ему, очевидно, казалось, смог и успешно, разрешить вопрос о соотношении науки и религии. Более того, хотя религиозность Добржанского была внутреннего, индивидуального порядка, он считал возможным учить и учил других, т.е. в каком-то смысле проповедовал. В основе этих попыток лежали те же два краеугольных камня: нравственность и “предельные вопросы”. 16 июня 1942 года в экспедиционном лагере он записывает: «Беседовал с Эплингом о Достоевском и по поводу Достоевского. Странная, для русского, психология: наличие зла в мире его не беспокоит, он его принимает за данное и все тут! Основа его морали — с моралью легче жить в обществе, чем без нее, значит других, религиозных, основ морали искать нечего и незачем. Словом, Достоевский с него как с гуся вода. Но вопрос, почему 5 миллионов американцев должны рисковать жизнью для общества и будущего, которого они никогда, быть может, не увидят, его все-таки озадачивает. В самом деле, почему авиатор должен лететь в бой с японцами, ри-

³⁵ APSL. B: D 65. Th. Dobzhansky Papers.

ская быть убитым? Единственный ответ, какой он может дать — большинство авиаторов над этим не задумывается, — они призваны на военную службу, им приказано лететь, заслушание они были бы наказаны, ну, вот и летают. Неудовлетворительность такого рода положения вещей ему, однако, ясна. Так что ко времени, когда надо было идти спать, я все-таки сумел кое-как пробраться под его толстую скорлупу. Поговорим еще — быть может, удастся “обратить” его к Достоевскому и, значит, к Богу!»³⁶. А 18 августа 1942 года он отмечает: «провел час или больше с Эплингом, стараясь объяснить ему “Великого Инквизитора” Достоевского»³⁷. И позже: «Вечером сидели с Мирским и беседовали о будущем. Кончили чтением “Великого Инквизитора”, но религиозный язык его отпугивает, несмотря на то, что основная мысль должна привлекать»³⁸.

В своем стремлении к персональному религиозному просвещению Добржанский придерживался принципа реальной свободы совести. В письме к дочери Софии и ее мужу Майклу Коэ от 16 мая 1957 года он заверяет, что был бы рад видеть их христианской семьей, но и не протестовал, если бы они не были такой семьей. Он не собирался как-либо влиять на них³⁹. В том же письме Добржанский впервые затронул тему своей веры, заявив, что не принадлежит к русской православной церкви в полном смысле или к любой другой, но пытается быть христианином и молится почти каждое утро⁴⁰.

В самом деле, в его записях о религии почти не затрагиваются вопросы совершенных грехов, их искупления, спасения, постижения божественного предначертания и тому подобного. Две вещи связывают Добржанского с Богом. Первая — игра судьбы. Он избежал многих ее превратностей (от сталинских лагерей до смерти в случайной автомобильной аварии), он облагодетельствован судьбой: мальчик из провинциального укра-

Ф.Г. Добржанский
с женой и дочерью

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibidem.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Ф.Г. Добржанский среди коллег на кафедре зоологии Колумбийского университета. 1940

инского городка стал всемирно известным ученым. Вторая — продолжение (Богом) его жизни. Об этом говорят, например, следующие записи в его дневнике: “Как много лучше здесь, в Дэвисе, чем было бы в Нью-Йорке, на старости лет! Благодарение Богу за все — во-первых, за жизнь и хотя бы относительное здоровье, во-вторых, за то, что я здесь, в любезной мне Калифорнии” (10 сентября 1971 года); “Наш маленький садик благодаря усилиям Ольги тоже полон цветов. Наслаждение. Как прекрасна жизнь. Господи благодарю Тебя!” (29 апреля 1973 года, Пасха, Дэвис); «Воскресенье, и я разрешил себе разлентиться. Читал книгу Барбары Ланд. Ведь меньше чем один человек на миллион имеет возможность читать свой некролог! Читая его, вспоминается много и многое, чего нет в некрологе. По Пушкину — “воспоминание безмолвно предо мной свой длинный развивает свиток”, и там дальше — “я трепещу и проклиная, и слезы лью, но строк печальных не смываю”. Читая “свиток” вижу, что жизнь моя была невероятно удачна — тоже меньше чем один на миллион может похвалиться такой удачей. Господи слава Тебе!» (24 июня 1973 года, Дэвис); “Прожил 72 года. Интересная, разнообразная, и в целом незаслуженно счастливая жизнь. Вместо сталинской тюрьмы и расстрела стал американским буржуа, американским ученым, наставником научной молодежи. За что такое счастье? Ведь многие русские мальчики, которых я знал, были умнее и способнее меня, а они погибли или влачили жалкое существование” (25 января 1972 года)⁴¹.

Некоторые работы, посвященные ценностным и этическим аспектам эволюционной теории и генетики, написаны Добржанским как научные, в стиле объективного исследова-

⁴¹ Ibidem.

ния. При их чтении вполне может сложиться впечатление, что их автор — атеист. Некоторые места в них фактически демонстрируют эволюционный подход к религии, т.е. он рассматривает религию как один из результатов эволюции человека⁴².

Прообраз эволюционного взгляда на мир Добржанский видел в иудаистки-христианской религиозной философии, согласно которой (в понимании Добржанского) божественно предопределенный исторический процесс начался с творения, прошел через стадии грехопадения человека, религиозные откровения, искупление и развивается, стремясь к Царству Божию. Благодаря такой эволюции “история полна надежды; может быть лучший мир и люди лучше”⁴³. Поэтому Добржанского удивляло и огорчало безусловное неприятие эволюционной теории церковью: “Как иронично, что оппозиция эволюционной идее пришла в современные времена главным образом из религиозных кругов!”⁴⁴. Добавляли горечи его личные неудачи в попытках дать религии плоды своей науки, в первую очередь публично.

Добржанский так и не смог объединить науку и религию, верующих и неверующих, теистов и атеистов. Он записывает в дневнике 11 августа 1969 года: “Мой доклад был принят неблагоприятно унитариями. Им очевидно не нравится мое мнение, что traditional religion должна быть принята за основу синтетического мировоззрения... Пошел спать около полуночи, усталый и с сердцебиением. Хотя все были вежливы, но нет сомнения в ихней оппозиции! Боюсь, что мое мировоззрение одинаково неприемлемо и для атеистов, и для людей религиозных, и для унитариев, которые держатся промежуточной точки зрения”⁴⁵. Тремя годами позже, 9 октября 1971 года, он дает сходную самооценку: “Странное чувство — в компании теологов я как будто излишен, хотя несколько из них мне сказали, что они читали мои книги”⁴⁶. В той же записи Добржанский отмечает тот неприятный для себя факт, что Дж. Хаксли, не менее известный эволюционист XX века и сооснователь СТЭ, “враг всякой религии, кроме им сочиненной”⁴⁷.

Неудачей, как правило, заканчивалось и личное, индивидуальное миссионерство. Так, он вынужден записать в своем дневнике 19 декабря 1942 года, после посещения Данна, подхватившего простуду: “Поэтому я поехал к нему и провел вечер, читая ему Достоевского, — то же, что читал Мирскому и Эплингу. Думаю, что мы расстались более друзьями, чем были. Но — это кажется не для англо-саксонцев!”⁴⁸. Если с колеблющимися (в чем бы то ни было) или с верующими, особенно с женщинами, все было сравнительно удачно, то с материалистами добиться успеха не удавалось. Об этом свидетельствует, например, запись в дневнике от 31 декабря — 1 января 1943 года: “Новогодние празднества. У нас собрались Демерецы, Кауфманы, Мирские, Дипп’ы (вместе с сыном), Родсы... Утром на Новый Год завел полемику с Кауфманом о роли науки и о способах познания. Кауфман конечно материалист. Мария Алек-

⁴² См. напр.: Dobzhansky Th. The Biology of Ultimate Concern. P.13–14, 88.

⁴³ Dobzhansky Th. Evolution and Man's Self-Image // Evolution Anthropology, Physical. L., 1975. P. 189–220.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ APSL. B:D 65. Th. Dobzhansky Papers.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibidem.

Ф.Г. Добржанский
в лаборатории. 1959

сандровна Демерец верит в религию. Конечно, ни до чего не договорились”⁴⁹.

Стремление Добржанского объединить науку и религию не удовлетворяло ни одну из сторон, ни одна не получала того, что хотела — своего господства. Осознавал ли Добржанский или нет, но религия у него оставалась на периферии науки, на той границе, до которой дошла наука (т.е. человек) в постижении мира и самого себя. При этом религия безвозвратно теряла свой сакральный статус и образ, становилась всего лишь одним из бесчисленных объектов науки, предметом изучения, но не поклонения и не подчинения, тем самым переставая быть религией. Не случайно Добржанский в одной из работ привел высказывание теолога П. Тиллиха: первый шаг к тому, чтобы западный мир начал становиться нерелигиозным, был сде-

лан самой религией: защищая свои религиозные символы, она стала интерпретировать их не как великие символы, а как буквальные утверждения, и тогда она проиграла все сражение⁵⁰.

Понимали ли периферийное и подчиненное положение религии в синтезе Добржанского религиозные деятели и представители церкви? Скорее всего, понимали и, естественно, с недоверием относились к взглядам Добржанского и его попытке помочь религии с помощью эволюционной теории. Тем более, что по крайней мере в некоторых своих публичных работах он выступал как критик религии, противопоставляя религиозной концепции человека эволюционную, дающую человеку реальную, а не иллюзорную надежду и реальные средства воплощения этой надежды. Это противопоставление точно выражено в названии одного из разделов одной из статей Добржанского — “Падение или восхождение человека”. В этой статье он, фактически, истолковывает библейские тексты как продукт художественной деятельности: “Поэтическое воспроизведение выхода человека за пределы собственной эволюции можно увидеть в библейском повествовании о вкушении плода с древа познания добра и зла”⁵¹.

В чем же состоял, по Добржанскому, этот выход за эволюционные границы? Предки человека были всего лишь животными, не ведающими добра и зла, греха и добродетели, но на определенной ступени своей эволюции «человечество стало способно отличать правильное от неправильного, добро от зла.

⁴⁹ Ibidem

⁵⁰ Dobzhansky Th. The Biology of Ultimate Concern. P. 34.

⁵¹ Dobzhansky Th. Evolution and Man's Self-Image. 189–220.

Традиционно это называется “падением человека”. Человек “пал”, когда он впервые стал способен свободно преступить и преступил этическое предписание. Однако тем же самым актом человек возвысился над уровнем животности... Человек восходил, не падал»⁵². Иначе говоря, благодаря такому преодолению человек из просто животного стал этическим животным.

По Добржанскому, христианская теология использовала идею, унаследованную от иудаизма и философов эллинистической эпохи о существовании золотого века в начале мира и последовавшей за ним якобы регрессивной эволюции. Но в действительности эволюция вовсе не сделала регрессивного шага с появлением человека. Напротив, появление человека на мировой сцене “было прыжком вперед в истории космоса. Грех, злодеяние, преступление, нарушение может случиться с существом, которое осознает себя и природу своих действий. Человек такое существо, но его предки таковыми не были”⁵³.

Возражая современным ему идеологам “биологической” природы человека, Добржанский вновь и вновь противопоставляет религиозное и эволюционное понимание и объяснение человека: «Как оптимистический тезис, что человек по существу добр, так и пессимистический антитезис, что он пал и развращен, предшествовали научной биологии и антропологии. Великие религии, в особенности Христианство, усвоили как тезис, так и антитезис, первый как часть доктрины Первородного Греха, второй — Божественной Милости. Есть ли у науки что-либо, что можно было бы добавить к этим древним человеческим проникновениям? По крайней мере, она может поместить их в контекст некоторых хорошо обоснованных открытий, которые предполагают, что человек не предопределен своей

Ф.Г. Добржанский
среди коллег на
XI Международном
генетическом
конгрессе в Гааге.
Нидерланды, 1963

⁵² Ibidem. P. 211.

⁵³ Ibidem. P. 212.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

№ 10 / 5 1963г.

№ 280

Мо. кал., В-31, Ленинский проспект, 114
Коммутатор В 2-00-20

При копировании, сканировании, фото и аудио
адрес для цитирования в Интернету: АИ СССР - Москва 11-71 наука

Уважаемый г-н Митчелл!

К моему сожалению, я вынужден сообщить Вам, что все наши попытки организовать прием проф.Добжанского, кандидатура которого была предложена в письме президента Ф.Сейтца от 5 февраля с.г., в учреждениях Академии наук СССР закончилась неудачей.

По заявлению наших ученых, мнение которых мы запрашивали, личные научные интересы проф.Добжанского связаны с вопросами, которыми наши специалисты мало занимаются, в связи с чем мы не можем организовать такую программу пребывания проф.Добжанского в СССР, которая могла бы быть для него интересной и полезной.

С уважением

Начальник Иностранного отдела
Академии наук СССР *В. Корнеев* (В. Корнеев)

Письмо начальника
иностранного
отдела Академии
наук СССР
в Национальную
академию наук
США. 1963

“природой” быть хорошим или плохим, но может стать тем или другим в зависимости от обстоятельств»⁵⁴.

Человек не запрограммирован биологически стать альтруистом или эгоистом, святым или грешником, героем или трусом, тружеником или лентяем. Он обладает возможностью стать кем угодно. “Человеческая адаптивность основывается на замечательных, открытых бесконечности образцах поведенческого развития”⁵⁵. Разумеется, он понимал, что природа человека не совершенна. Но именно наука не только поможет устранить плохие качества (например, наследственные болезни), но, возможно, в будущем усовершенствует человека, и он сможет приобрести желаемые качества и способности при должной осторожности и мудрости.

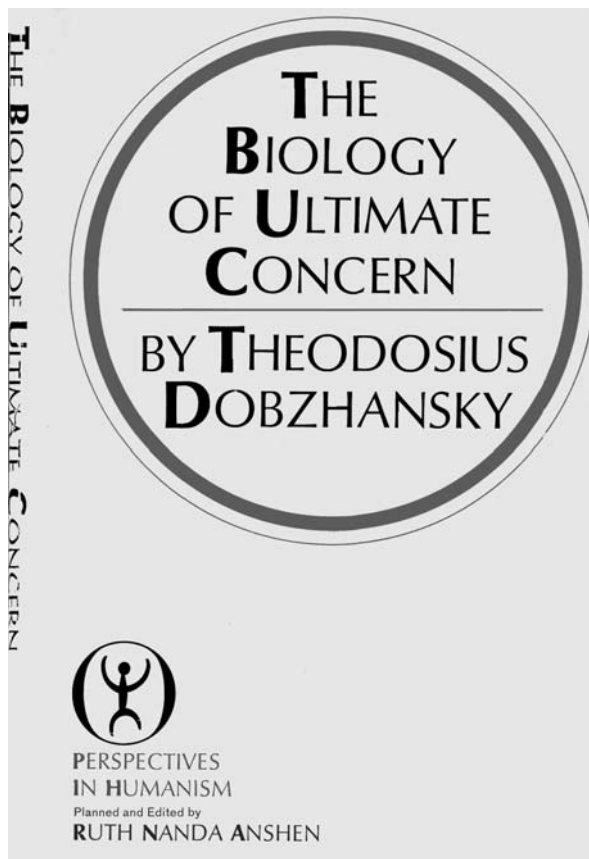
Эволюция жизни и человека продолжается, человек остается “незаконченным экспериментом”. Принципиальная разни-

⁵⁴ Ibidem. P. 213.
⁵⁵ Там же. P. 214.

ца между научным и религиозным подходами к человеку состоит в ответе на вопрос о том, чей это эксперимент. “Последователи религиозных традиций верят, что вселенная есть деяние Господа. Однако человек открыл, что оба эксперимента продолжаются и он сам призван в них участвовать и помочь их осуществлению... В рамках ограничений, налагаемых законами природы, человечество может сделать все от него зависящее, чтобы сформировать свое будущее в соответствии со своими представлениями о добре и красоте”⁵⁶. По Добржанскому, именно наука, а не религия, играла и играет главную роль в культурной эволюции человека: “Наука радикально изменила идеи человека о мире, в котором он живет. И что наиболее важно, наука изменила представление человека о самом себе”⁵⁷.

Жажда жизни

Сборник, в который вошла процитированная статья Добржанского, был опубликован в год его смерти (Добржанский скончался 18 декабря 1975 года). Одна из вечных проблем религии — личная смертность и неустроенность (в широком смысле) человека: лучшее будущее человечества не отменяет бренности каждого и невозможности его личных жизненных утрат (будь-то утраты близких или нереализованные способности). В этом смысле эволюционная перспектива Добржанского также не дает отдельному человеку надежды на спасение, не отменяет завершения его жизни. А жажда жизни у Добржанского была неумная. Через полгода после того, как при рядовом медицинском осмотре у него обнаружился рак крови, он записывает в дневнике 1 января 1969 года: “В июне открыли мою болезнь; за последние два месяца здоровье Наташи сильно пошло вниз; и хуже всего — теперь уже нет сомнения в том, что наше единственное дитя от нас отвернулось. Значит, грозит одинокая старость и одинокая смерть. И все же жизнь прекрасна — хочется еще жить. Надо закончить книгу об эволюции. А там, если буду жив, приготовлю издание моих старых работ, и, наконец, если останется время, автобиографию. К тому же идут еще 2 больших работы — по поведению *Drosophila paulis-*

Обложка книги
Ф.Г. Добржанского
“Биология предель-
ных вопросов”.
1967

⁵⁶ Там же. Р. 220.

⁵⁷ Там же. Р. 220.

Ф.Г. Добржанский
в джунглях. 1968

tozum. Их надо довести до какого-то логически приемлемого конца. Плохо, но может быть гораздо хуже! И при всем том жить до безобразия хочется”⁵⁸.

При такой жажде жизни и страх смерти был необыкновенно сильным. Об этом опять же свидетельствуют отрывки из дневника. 21 декабря 1971 года: “А вот тут подкралась старость, и подкрадывается смерть. Скоро придется делать операцию грыжи. Оправлюсь ли я от этой операции, и не стимулирует ли она последнее обострение лейкемии?.. Ох, боюсь, боюсь и смерти и предшествующих ей болезней и страданий. Боже, благодарю Тебя за жизнь и молю Тебя укрепить меня перед смертью!” 16 ноября 1972 года предложение лечащего врача есть побольше овощей Добржанский воспринимает как деликатное “напоминание того, что здоровье сдает и что близка уже смерть. О, как прекрасна жизнь и как ужасна смерть!” Наконец, 4 декабря 1974 года, практически за год до смерти: “Доктор Пэйн кажется удивлен, что я все же еще не болен, хотя мое самочувствие не из хороших... Но ведь меньше чем через 2 месяца мне будет 75 лет — пожил достаточно, жаловаться нельзя. Но все же, как сильно хочется жить и как страшно, что подходит смерть!”⁵⁹

О том, что религиозность Добржанского долго находилась в латентном состоянии и усилилась с началом проблем со здоро-

⁵⁸ APSL. B: D 65. Th. Dobzhansky Papers.
⁵⁹ Ibidem.

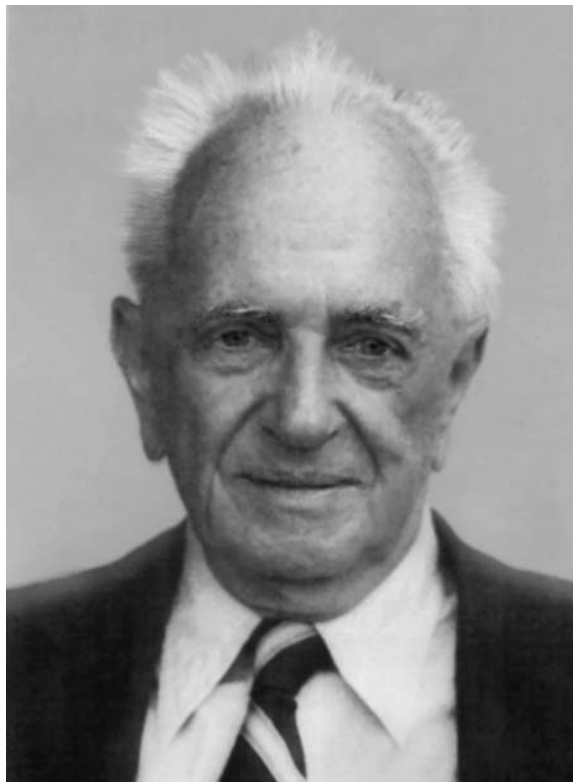
вьем у него и его жены Наташи, пишет Брито да Кунья, с которым он много и плодотворно сотрудничал⁶⁰. Начало болезни явно связано с повторным, но более тесным и сильным, чем раньше, обращением к религии. Оно было “подстегнуто” тем, что доктора не могли дать ответа на бесконечно волновавший его вопрос о том, сколько ему осталось — годы или, быть может, только месяцы. Добржанский оказался перед мучительной неизвестностью, неопределенностью. Можно сказать, что рок навис над ним со всей своей неумолимостью.

Ужас возникшей угрозы смерти был для Добржанского особенно непереносим, думаю, еще и потому, что его отец стал инвалидом, когда мальчику было всего десять лет, а умерли отец и мать, когда он был еще юношей. Скорее всего, из-за страха смерти Добржанский не любил, когда ему напоминали про возраст, даже когда он еще не был пожилым человеком⁶¹.

Новый лучший мир

Было бы непростительно сводить причины религиозности Добржанского только к тем, которые рассматривались здесь более или менее подробно или были лишь названы. Они, как и обсуждаемый предмет в целом, таковы, что негоже писать о них скороговоркой. Но еще на одну хотелось бы обратить внимание. В предисловии к очень важной для него книге⁶² (о ней уже шла речь) Добржанский утверждал, что пытается не “вывести философию из биологии, а скорее включить биологию в *Weltanschauung*”, в мировоззрение. Подразумевая самого себя, он писал, что у биолога есть факты и теории, которые, как он верит, могут иметь гуманистическое значение.

Книга посвящена некоторым философским проблемам эволюционной теории, тому, что следует из этой теории для человеческой культуры, для того же мировоззрения, как оно изменилось под воздействием эволюционной теории. Добржанский, разумеется, излагал понимание проблем, исходя из своего “предельного интереса”, своих “предельных вопросов”. Хотя и опираясь на труды и высказывания других авторов —

Ф.Г. Добржанский.
1973

⁶⁰ Brito da Cunha A. On Dobzhansky and His Evolution // *Biology & Philosophy*. 1998. V. 13. № 2. P. 289–300.

⁶¹ *Ibidem*. P. 290–291.

⁶² Dobzhansky Th. *The Biology of Ultimate Concern*. P. 2.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

ученых, философов, теологов, разных религиозных и секулярных мыслителей.

Совпадали ли размышления Добржанского с общепринятым или с чьим-то особым взглядом — отдельная тема. Он приводит, в частности, как “интересное”, определение философии, данное Б. Расселом в 1945 году: философия — это не освоенная человеком земля между теологией и наукой, которая атакуется с обеих сторон⁶³. Добржанский, как и другие, попытался ее освоить. Наука помогает в этом поиске, но и она имеет историю, она сама эволюционирует. Даже в мире Коперника человек еще мало что мог изменить, тем более к лучшему⁶⁴. В том мире, по сути, не было места гуманизму. Позже наука и, может быть, в первую очередь эволюционная теория дала человеку надежду, что он может изменить мир к лучшему. Однако, как известно, множество попыток установить рай на земле закончились трагически. Именно неудачный, обескураживающий опыт политико-социальных и политико-экономических преобразований, направленных, казалось бы, на создание нового, лучшего человеческого мира привел Добржанского к выводу, что хотя человек все равно надеется не только на новое, но и на лучшее будущее, но он уже не уверен в нем. Остается лишь надежда на “новый синтез”⁶⁵.

Поддержку своей надежде Добржанский нашел у П. Тейяр де Шардена, с которым дважды встречался, но оценил по достоинству лишь после знакомства с его эволюционной концепцией⁶⁶. Синтез Тейяр де Шардена также встретил неоднозначную реакцию и также не удовлетворил ни ученых, ни деятелей церкви⁶⁷. Но он подходил Добржанскому, особенно мысль Тейяр де Шардена, которую тот подчеркивал снова и снова, что человек уже не пассивный объект эволюции, а ее участник. Книга Добржанского заканчивается их общим кредо: ворота в лучшее будущее могут быть открыты не для привилегированной или избранной группы людей, но лишь для всех, и только все вместе, объединившись, люди смогут достичь процветания и духовного возрождения Земли⁶⁸. История, как это повторялось бесчисленное число раз, иногда со странным упоением, не терпит сослагательного наклонения. Но, очевидно, что Добржанский больше верил бы в лучшее будущее, а его синтез, возможно, принял бы несколько иной характер, если бы попытка создания нового мира в XX веке оказалась более удачной.

⁶³ Ibidem. P. 10.

⁶⁴ Ibidem. P. 4, 6.

⁶⁵ Ibidem. P. 107.

⁶⁶ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1965.

⁶⁷ Взглядам Т. де Шардена будет посвящена следующая статья цикла о великих эволюционистах и религии в ближайшем номере журнала. См. также: Конашев М. Б. Эволюция была их божеством // В мире науки. 2007. № 6. С. 78–85.

⁶⁸ Dobzhansky Th. The Biology of Ultimate Concern. P. 137.